М. В. ДОБУЖИНСКИЙ

Об И. П. Павлове

Когда наступало первое тепло, не было дня с самого моего раннего детства, чтобы я не ходил играть в ближний сад Медицинской академии. Этот старый, тенистый сад скрывался за академическим зданием с круглым куполом и колоннами и был закрыт для посторонних. (Разрешение выхлопотал Ив[ан] Петр[ович] Павлов, будущий великий ученый, который тогда только что окончил Медицинскую академию и был оставлен при ней. Он был наш свойственник: мой дядя Федя и он были женаты на родных сестрах, тете Асе и тете Саре[1].)

Чтобы попасть в сад с Нижегородской улицы, надо было идти через узенький двор, замощенный булыжником, и проходить под громадной пожарной лестницей, прислоненной к пустой стене (почему-то эта лестница особенно запомнилась), и так же, как и на нашем дворе, среди камней росла острая травка и появлялись желтые одуванчики.

В саду рядами стояли липы с толстеннейшими стволами, и в аллеях, где всегда была тень, уютно пахло сыростью и прелым листом. В трещину коры одной из лип я однажды посадил моего оловянного солдатика и вспомнил о нем только на другое лето, найти его уже не мог — он куда-то ушел, и мне, конечно, пришла на ум сказка Андерсена.

Был в саду и длинный пруд, покрытый плотной ярко-зеленой ряской, и казалось, точно это зеленый пол, по которому соблазнялось пройтись, но пугала легенда, что в этот пруд провалилась одна девочка. А в самой глубине сада, за деревьями, виднелся желтый флигель академической клиники, куда было опасно приближаться: там за решетками сидели какие-то страшные сумасшедшие, которые будто бы хватали из-за решетки неосторожных детей. Но это не мешало мне очень любить этот мой сад, и всю жизнь он с очарованием вспоминался (я случайно очутился в

этом месте в 1915 г., сад мне показался только меньше, но разросся еще гуще, пруд исчез, а горка, на которой я играл, оказалась крошечным горбиком; я зарисовал тогда с любовью старую липовую аллею). <...>

Такова была моя идиллия петербургского детства и таким сохранился в моей памяти тогдашний Петербург.

Вскоре же мы со Сташей получили приглашение от дяди Феди приехать погостить к нему в Эстляндню, в Силламяги.

Там оказалось совсем прелестно! Высокие сосны, смолистый запах, шуршание гравия под ногами, шум серого моря... Было дождливое и сырое лето, но и дождик, и сырость были какие-то уютные.

Дядина дача находилась у самого моря, и все время был слышен прибой. Тетя Ася страшно кашляла, и это было ее последнее лето.

К ней у нас со Сташей совершенно изменилось отношение: мы поняли, что ее резкости объяснялись ее болезнью, а то, что мы знали, что она приговорена, возбуждало особенную нежность и жалость к ней. Она много знала и много читала, с ней бывало интересно и забавно — юмор ее не покидал и во время болезни.

Рядом жил с семьей Иван Петрович Павлов, известный ученый-физиолог. Он был женат на сестре тети Аси, «тете Саре», как с детства я ее называл, — Серафиме Васильевне (они были Карчевские), добрейшем существе, с ямочками на щеках и с такими красивыми глазами, как у тети Аси.

Иван Петрович был приятелем дяди Феди, и отец мой его любил. Он был ворчун, постоянно чертыхался от своей горячности и был знаменит как чемпион игры в «подкидного дурака»: никто никогда не мог его обыграть, а он неизменно торжествовал. Другим его увлечением на даче была игра в городки, или «рюхи», знакомая мне по Новгороду, в ней мы все принимали участие, где тоже он отличался. С молодежью он был сам молод и весел.

Там же гостил брат Ивана Петровича — Дмитрий Петрович, проф[ессор] химии Варшавского университета. Он был очень высок и худ и такой же бородач, как и его брат, говорил хриплым басом, балагурил и смешил наше общество до упаду.

По соседству жили Терские, друзья Павловых, где были две барышни — Фаина и Соня; Дмитрий Петрович нас со Сташей выдал за студентов, приехавших на каникулы к своим дяде и тете (а я как раз тогда остался на 2-й год в 6-м классе...), а потом сам нас коварно разоблачил. С этими девицами, умненькими и веселыми, мы со Сташей вели разные серьезные разговоры и устра-

ивали «дебаты», причем Сташа провозглашал себя славянофилом, консерватором и пессимистом, а я, наоборот, — западником, либералом и оптимистом, и в спорах мы состязались перед сестрами в остроумии (а раз, не сойдясь во мнениях, в присутствии этих благовоспитанных барышень жестоко повздорили, чуть не поругались — совсем по-мальчишески).